

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
18–20 июня 2015

ПАРАДОКСЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Теледебаты SPEIF Debate

19 июня 2015 г., 17:15–19:15, Павильон 4, Конференц-зал 4.2

Санкт-Петербург, Россия
2015

Ведущий:

Владимир Соловьев, Телеведущий, ГТК «Телеканал «Россия»

В. Соловьев:

Сегодня тема нашей дискуссии — парадоксы российской экономики. Нынешний Форум оставил неоднозначные ощущения у многих людей, которые занимаются экономикой профессионально: как от действующих, так и от прошлых государственных деятелей прозвучало много смелых высказываний, которые, на мой взгляд, требуется обсудить. У меня есть только одна просьба: говорите все, что считаете нужным, но слушайте друг друга и, если возможно, не говорите монологов. Будьте корректны в общении друг с другом.

Внимательно послушав происходившее на Форуме в течение двух дней, я еще раз убедился в том, что фельдмаршал Мин был прав, когда сказал, что Россия управляется богом напрямую, иначе понять, как она существует, невозможно.

Если господин министр согласится сначала послушать, потому что он и так сегодня много говорил, то тогда я начну с Вас, Евгений, так как Вы обычно становитесь возмутителем спокойствия. Например, Вы взорвали Интернет фразой: «Я уйду из Совета Федерации, потому что понял бессмысленность восьми лет сенаторства». Для России это смело. Перед тем, как Вы отправитесь на поселение, предлагаю Вам высказаться о парадоксах российской экономики.

Е. Тарло:

Я уже объяснялся. Я готов отправиться на поселение — мне нравится в России, здесь очень хорошо.

Если говорить о парадоксах российской экономики, не надо ходить далеко: вчера открылся Форум, и первый парадокс состоит в том, что нас пугали, что все страшно и Россия в изоляции, но такого количества гостей не было еще никогда. Причем, если обычно политики ходят туда-сюда, сегодня было очень много представителей бизнеса — как с Востока, так и с Запада и много было деловых разговоров. Удивительно провальным оказалось открытие, которое стало бенефисом трех человек. Я не знаю, как там очутился Игорь Иванович Шувалов, но в его присутствии бывший премьер и министр финансов, долго

руководивший экономической политикой Правительства в самые тучные годы, в период исключительного благополучия, какого еще не бывало в России, и успешно проваливший все, что он делал, кроме, может быть, нескольких нюансов, начал рассказывать о том, как все это время он продавливал через Парламент законы, которые писались на коленке в его кабинетах. И теперь оказывается, что помеха для работы Правительства и прогрессивного экономического блока — это Государственная Дума, и нужно создать некий реформаторский комитет и наделить особыми тайными полномочиями, чтобы наконец-то провести экономическую реформу. Более того, выясняется, что для осуществления начатых им преобразований, необходимо переизбрать Президента. Я не могу понять, кому и зачем это нужно. Президент Путин был избран совсем недавно, получил абсолютное большинство голосов, самый высокий рейтинг в нашей стране, и нет ни одного политика, который бы к нему приблизился. Нам предлагается все это затеять, исходя из того, что главным выводом вступительного слова Форума стало то, что в нашей экономике есть проблемы, связанные с плохим менеджментом. У кого же тогда плохой менеджмент?

В. Соловьев:

Я понял. Пока получается, что это личное дело Алексея Леонидовича Кудрина, а мы, говоря об экономике, обсуждаем то, как удалось продавить Думу. Не надо было продавливаться, и не пришлось бы оправдываться сейчас.

Господин Гринберг, что у нас происходит в экономике? В чем вы видите ее парадоксы?

Р. Гринберг:

Я думаю, что российская экономика находится в кризисе, который мы сами придумали и который начался еще до санкций, девальваций, а также снижения цены на нефть. Если посмотреть на динамику разных макроэкономических показателей, то уже в конце 2013 года было видно, что начался спад. И выяснилось, что, если говорить совсем просто, главная

причина этого замедления — это прекращение государственных инвестиций. Моя любимая тема: что нужно для страны — государственные или частные инвестиции? И пользуясь случаем, в присутствии Министра экономического развития — хоть я далеко не со всеми тезисами Алексея Валентиновича согласен — я хотел бы напомнить сказанные им золотые слова о том, что риски от государственных инвестиций намного ниже, чем риски от отсутствия инвестиций.

Мы можем любить государство или ненавидеть его: оно, действительно, несовершенно и, похоже, не имеет механизмов слежения за деньгами, что является самым сложным аспектом. В советское время было много коммунистов (я, правда, им не был), но были механизмы отслеживания канализации денег, поэтому люди, слепо верящие в свободный рынок, говорят, что государственные деньги — это всегда плохо. А парадокс заключается в том, что, как мне кажется, страна не решилась на необходимые действия. Есть две школы мышления: одни говорят, что надо шлифовать инвестиционный климат, снижать налоговое бремя — сегодня Президент об этом говорил — тогда снизится инфляция и все станет хорошо. Другие, к которым принадлежу и я, говорят о том, что нет никакой альтернативы государственному капитализму, как бы грубо это ни звучало. Но у этого есть большие риски.

В. Соловьев:

То есть вернемся в СССР?

Р. Гринберг:

Нет, ни в коем случае. Государственные капитализмы бывают плохие и хорошие. Если мы посмотрим на азиатские, то у них нет особой демократии, но они демонстрируют мощный экономический рост, благодаря государственным инвестициям и тому, что государство создает вкусные проекты для частников.

В. Соловьев:

Я два раза в неделю выслушиваю очень умных людей. У меня ощущение, что главный продукт нашей экономики — это множество умных людей, которые не могут ни о чем друг с другом договориться. Половина хочет, чтобы было так, как не будет никогда, а вторая половина выясняет, почему стало так плохо, но никто не хочет рассказать, есть ли хоть какие-то новые идеи для продвижения России. Мы все время пытаемся читать старые учебники и никак не можем понять, что нет страны, которую по ним можно реализовать, вперед никто не заглядывает. Сегодня американец откровенно сказал, что мы, оказывается, такие же, как они. Ого! С чего он это взял?

Р. Гринберг:

Я думаю, что самый большой грех — отсутствие договороспособности.

В. Соловьев:

Кого с кем? Правительство никогда никого ни о чем не спрашивало и продавливало ногой любой закон. С кем они должны договариваться?

Р. Гринберг:

Монополия власти — это очень чувствительная тема,.

А. Жуков:

Давайте я попробую сформулировать, суть парадокса. Вчера на эту тему было много дискуссий, да и сегодня эта тема так или иначе проскальзывает. Парадокс заключается в том, что и государственные, и частные инвестиции сокращаются, при этом Центральный банк и Правительство говорят, что нет потребности в деньгах — их некуда вкладывать, нет достаточного количества инвестиционных проектов и нет спроса. Правда, Министерство экономики придерживается несколько иной позиции, но его никто слушает. В этом все дело, на мой взгляд.

В. Соловьев:

Вы министры экономического развития, но у меня ощущение, что в последнее время мы говорим только об экономическом умирании. У нас есть Борис Титов, которого я при всем уважении могу называть только плакальщиком российского малого и среднего бизнеса. Он приходит и сокрушается о том, как очередных похоронили. Вы сегодня сформулировали посыл Адама Смита — мир и низкие налоги, но, как выясняется, мир зависит не от нас, низкие налоги — тоже. Тогда что может предложить министр, чтобы в стране появилось экономическое развитие?

А. Улюкаев:

Во-первых, я вовсе не считаю, что в российской экономике есть какие-то особые парадоксы. Более того, мне кажется, что все развивается, но в соответствии с некоторыми фундаментальными обстоятельствами. Если вы их нарушаете, то получите плохой результат.

Что касается мира, то это не просто отсутствие войны, а, например, готовность слушать и понимать друг друга, а также выработать совместные решения. Мне кажется, что мы довольно сильно продвинулись в работе с Государственной Думой над тем, что мы должны исправить ситуацию, когда исполнительная власть не считается с народными избранниками — над этим мы сейчас трудимся в плане налоговой стратегии, эффективности бюджетных расходов, а также рассматривали в рамках федеральной адресной инвестиционной программы во время подготовки бюджета ко второму чтению. Может быть, пока это еще не очень качественная работа, но она является совместной — я думаю, что коллеги из Думы это подтвердят.

Вы абсолютно правы: мы страна ста сорока шести миллионов людей, умных порознь, а вместе выступающих совсем по-другому. Должно быть, это культура дискуссии и принятия решений. Вы сейчас сказали, что никто не признается, а я скажу, что был членом КПСС, и тогда был принцип демократического централизма. Это значит, обсуждения и споры на стадии разработки — решения, закона, правительственного акта — должны быть максимально острыми, даже нелицеприятными, а когда документ приняли —

извините: согласны или не согласны, но это закон. Мне не нравилось бюджетное правило, но оно выполнялось. А сегодня мои коллеги, которые его всегда отстаивали и упрекали меня в том, что я покусился на самое святое, что у нас есть, — на Конституцию и бюджетное правило. А теперь оно не действует. Так не бывает, друзья! Не нравится правило? Но оно все равно будет действовать, потому что мы совместно приняли такое решение.

Теперь перейдем к параметрам экономического роста. Смотрите, что происходит. У нас есть три известных источника экономического роста: чистый экспорт, потребительский спрос и инвестиционный спрос. С чистым экспортом все более или менее нормально: появился ресурс, у нас высоко положительный торговый баланс и высоко положительный текущий счет. Как можно распорядиться этим ресурсом? Да, издержки снизились, у бизнеса стало больше денег. Я могу вложить деньги в производство, съесть много черной икры или отогнать деньги в офшор — вот выбор. Бизнес хочет, чтобы государство помогло ему принять правильное решение относительно инвестиций здесь и сейчас.

В. Соловьев:

Вообще-то, бизнес обычно хочет, чтобы его перестали «кошмарить» и не трогали.

А. Улюкаев:

Это почти одно и то же.

В. Соловьев:

Он же отгоняет деньги туда, потому что ноль доверия здесь.

А. Улюкаев:

Вот вещи, которые интересуют бизнес: возвратный капитал, степень доходности и риски. Мы должны помочь ему считать риски приемлемыми. Что это означает? Первое — бремя: легкие, приемлемые, понятные налоги и квазиналоговые платежи, сборы, пошлины и так далее. Регуляторный пресс,

которым мы постоянно всячески угнетаем бизнес и провоцируем его на то, чтобы он уходил в тень. Малый и средний бизнес постоянно решает вопрос, работать «в белую» или уйти в тень, а мы ему не помогаем выбрать первый вариант. А это и означает создание или несоздание инвестиционного климата. Почему я абсолютно согласен с тем, что нужны государственные инвестиции? Две причины. Первая: государство должно показать свои намерения, что мы не шутим и что это не просто слова — мы разделяем риски, а мы — это Правительство, Государственная Дума, региональные власти. И вторая: нужны опережающие инвестиции в инфраструктуру — производственную, транспортную, энергетическую, а также в инфраструктуру знаний, образование, человеческий капитал. Это мост, который поможет бизнесу перейти на инвестиционную сторону развития.

В. Соловьев:

Я сегодня услышал от господина Кудрина гениальную идею. Он сказал, что, оказывается, очень важно создавать институты и что-то сделать с судами. Мне это напомнило историю: у вас горит дом, а вы обсуждаете, когда переклеивать обои. В стране кризис и бывший министр финансов рассуждает о совсем не его епархии. Это то же самое, если сейчас господин Лебедев будет рассказывать господину Кудрину о том, что делать с финансами. Почему у нас каждый дает советы в смежной области, но не занимается своей?

А. Улюкаев:

Я глубоко уважаю и Алексея Леонидовича, и Германа Оскаровича — это мои товарищи. И разговор о судебной системе важный, интересный и полезный, но уместнее было бы подробно обсудить эту проблему на Юридическом форуме. А здесь нам, конечно, лучше поговорить о простых экономических проблемах.

В. Соловьев:

У меня ощущение, что у нас все занимаются глобальными вещами, но никто не хочет пройти всю цепочку и получить окончательный результат.

Е. Тарло:

Сейчас речь идет о выплате 50 миллиардов? Кудрин говорит, что нам нужно признать международную юрисдикцию. Давайте 50 миллиардов заплатим. Сначала под его руководством Минфин превысил свои полномочия и нарушил Конституцию, признав юрисдикцию какого-то третейского суда — их тысячи и в России, и во всем мире — по публично-правовому спору с Российской Федерацией, чего он не имел права делать. Только Правительство Российской Федерации могло это сделать своим постановлением, и больше никто.

В. Соловьев:

Ни у кого нет наручников с собой? Мы сейчас сбегает за Алексеем Леонидовичем.

Е. Тарло:

А нужно ставить вопрос именно об этом и не исполнять дурные решения вообще.

В. Соловьев:

Мы даже можем запинать ногами Алексея Леонидовича, но уже поздно — решение есть.

Е. Тарло:

Я в КПСС состоял, но я не его друг.

В. Соловьев:

Да, пожалуйста.

А. Макаров:

Good evening, ladies and gentlemen. I began learning English for today's meeting, but my English is very bad. Ich lernte Deutsch in der Schule, aber mein Deutsch ist sehr schlecht.

Я забыл, что я нахожусь на российском телевидении, может быть, потому что буквально несколько часов назад мы здесь обсуждали те же самые проблемы на CNBC. У меня ощущение, что первый парадокс российской экономики в том, что проблема существует здесь, внутри, а мы пытаемся создать картинку туда, наружу. И весь смысл в том, что когда мы пытаемся объяснить, какие мы хорошие, тем, кто нас слушает там, мы забываем о том, что проблемы придется решать здесь.

Алексей Валентинович, я не буду оговариваться в отличие от моих коллег, не буду говорить «Алексей Леонидович. Безусловно, я мог бы и не заметить.

В. Соловьев:

Но ружье висело, а Чехов написал. Продолжайте.

Вы все такие интеллигентные люди, извините, что спиной друг к другу.

А. Макаров:

Если бы только спиной! Проблема в другом.

В. Соловьев:

Еще не было ни одной спины, у которой не было бы продолжения снизу, да?

А. Макаров:

Володя, вам виднее.

Все-таки хотелось бы сказать о другом. Есть проблемы экономики нашей страны, и сегодня на Форуме выступление Президента, мне кажется, давало ответы на многие существующие вопросы. Они есть, их не надо замалчивать или приуменьшать, но не надо стараться кому-то понравиться. В этом зале ведущий CNBC, который сидел на том месте, где вы сейчас стоите, задал вопрос: «А что вы хотите сделать, чтобы доказать Западу, Европе и Америке,

что вы привержены рыночной экономике?» Мы не должны ничего никому доказывать.

В. Соловьев:

Хорошо, что в зале не было Рогозина: он бы сказал, что «Арматам» виза не нужна.

А. Макаров:

Оказывается, что доказать это можно простым путем — взять и кого-нибудь приватизировать. Я задал вопрос: «Вы говорите, что надо приватизировать «Аэрофлот», который является одной из самых успешных авиационных компаний в мире. Почему ее надо приватизировать?» Это надо не для того, чтобы доказать что-то, а для того, чтобы улучшить управление, если государство не справляется.

В. Соловьев:

А вы не пробовали приватизировать Правительство, чтобы улучшить управление?

А. Макаров:

Эти попытки предпринимаются постоянно, но мне не хотелось бы в них ни участвовать, ни их обсуждать.

В. Соловьев:

Когда я слушаю господина Улюкаева, я могу относиться к этому хорошо или плохо, мне может нравиться или не нравиться. Когда я вижу выступления ряда министров российского Правительства, у меня возникает только один вопрос: как они туда попали?

А. Макаров:

Алексей Валентинович сказал очень важную вещь: «Давайте заниматься конкретными вещами». Например, основные направления налоговой

политики. Мы вместе стали обсуждать их: какими должны быть налоги? Мало сказать, что мы четыре года не будем повышать налоги — об этом говорил Президент, и это очень важно. Нам надо переходить к снижению налогов. Возьмем бюджетную политику: мы должны наконец понять, кого и как мы будем поддерживать. Давайте обсуждать реальные вопросы, а не пытаться кому-то понравиться.

В. Соловьев:

Давайте.

Господин Титов, как у нас поддерживают бизнес, который теперь виден только в микроскоп?

Б. Титов:

Во-первых, бизнес, виден и без микроскопа.

Хотел отреагировать на ваше замечание, Володя. Бизнес слезам не верит. В очень тяжелой ситуации, которая сложилась сегодня, когда на нас оказывается серьезное экономическое давление и административное давление, и с издержками у нас хуже, чем у наших конкурентов, с коррупцией стало лучше — все признали это, а мы сделали социологическое исследование перед тем, как я отдал доклад Президенту. Коррупция начинает балансировать: уже две трети предпринимателей сказали, что не стало хуже.

В. Соловьев:

Чиновники умерли с голоду.

Б. Титов:

Может быть, они просто перестали, поскольку в бизнесе стало меньше денег. Поэтому мы не верим слезам.

С Алексеем Валентиновичем я чаще всего соглашаюсь, но сегодня не согласен, потому что он назвал только вещи, которые не столь существенны для развития. Мы ведем эффективный диалог по таким вопросам, но мы должны поднять его планку выше. Вчера мы встречались с Президентом, и

там обсуждались базовые аспекты. И наконец-то, по-моему, решили вопрос — Алексей Валентинович как раз принимал в этом участие. Мы договорились с малого бизнеса наконец-то снять НДС. Там же поднималась и тема стратегии, потому что сегодня важны системные вопросы нашей экономики. Мы сказали Президенту, что нам нужны стратегии, ориентиры. Мы должны понимать, как будет работать новая модель и каковы будут главные направления развития.

В. Соловьев:

Какая модель?

Б. Титов:

Модель несырьевой экономики. Нам нужно описание.

В. Соловьев:

Кто вам ее опишет? Если вы послушаете большинство министров экономического блока, модель одна.

Б. Титов:

Если они не опишут, мы сами это сделаем.

В. Соловьев:

Правильно, но модель одна: переждать — вдруг отменят санкции. Мы, как наркоман, привыкли получать оттуда кредиты. У нас их отобрали. Мы говорим: «Давайте посмотрим, где еще игла». Мы умеем переживать. Мы не умеем развиваться без модели.

Б. Титов:

Не умеем — не будет экономики. Сегодня Министерство экономического развития должно работать над стратегией. Мы должны подготовить стратегию.

В. Соловьев:

Есть стратегия?

А. Улюкаев:

Во-первых, стратегия есть. Во-вторых, вы об этом знаете. В-третьих, возможно, она вам не нравится, но это другой вопрос.

Б. Титов:

Если вы говорите о направлениях развития...

В. Соловьев:

Не перебивайте Министра, а то у бизнеса ничего не будет!

А. Улюкаев:

Да, каждый может обидеть Министра. Лучше бы материально помогли.

А. Макаров:

За этим дело не станет! Мы не случайно говорим о том, что коррупция пошла на убыль.

А. Улюкаев:

В начале сессии прозвучал тезис, что якобы у нас нет хороших инвестиционных проектов. Я ответственно заявляю, что есть. На каждом заседании, посвященном проектному финансированию мы рассматриваем примерно 10—12 инвестиционных проектов и отбираем 3—4 из них. У нас уже есть 16 инвестпроектов на сумму от одного до десяти миллиардов рублей: это сельское хозяйство, промышленность и так называемые высокие технологии, транспортная инфраструктура и телекоммуникации. Оказывается, во всех секторах есть интересные проекты, с которыми работают банки. Но почему проектное финансирование почти никогда не шло? Потому что существует большой риск: им нечего заложить, кроме бизнес-плана и расчета. Значит, кто-то должен помочь банку принять решение, и это будет государство: оно

берет на себя четверть риска через прямую бюджетную гарантию, которая выдается быстро, в отличие от наших обычных процедур. Также это Центральный банк, который берет рефинансирование и дает фондирование под 9%. Это и сам коммерческий банк, который несет свою долю риска, и заявитель проекта, потому что мы не покрываем 20% — это собственный риск инициатора. Грубо говоря, мы скинулись вчетвером, и нашли способ поддержать этот проект. Их будет больше: банки готовы с ними работать, заявители готовы их приносить. Такого рода практика дает результат, когда мы действуем совместно, не выясняя, кто из нас умнее.

Е. Бушмин:

Речь министра прекрасна и удивительна, но я хочу обратить внимание на то, что здесь собрались люди, имеющие отношение к принятию решений в экономической области. Но какой-то смех это вызывает.

В. Соловьев:

Это русская традиция: трагическому смеемся.

Е. Бушмин:

Я хочу сказать как раз об этом. Если бы мы плакали, то была бы хоть какая-то надежда. Мы уже смеемся. Мы дошли до момента, когда пора принимать решение. Никто больше не считает, что надо подождать.

Я помню первые разговоры о том, что надо слезать с нефтяной иглы. Это был 1999 год, когда после девальвации российская промышленность стала расти.

А, Макаров:

Извините, это 1982.

Е. Бушмин:

Видите? Мы опять смеемся. А что дальше говорить?

У меня не очень хорошее ощущение, потому что сейчас опять происходит девальвация, но и Министр экономического развития, и Министр финансов

сказали, что в четвертом квартале все будет немного лучше. Пока за шесть месяцев ситуация, конечно, не исправилась, и это не очень хорошо.

В. Соловьев:

А с чего ей исправляться?

Е. Бушмин:

Потому что сейчас должны приниматься решения, объясняющие, почему нет инвестиций, например, в промышленность. Алексей Валентинович сказал: «Надо, чтобы государство вкладывало, тогда все поверят и тоже будут». На самом деле, тот, кто будет вкладывать в бизнес, будет отвечать своими деньгами. А тот, кто будет инвестировать от государства, будет просто принимать решение.

В. Соловьев:

Не будет отвечать ни деньгами, ни репутацией, ни тюремным сроком.

Е. Бушмин:

Ничем. Поэтому единственная причина для государственных инвестиций — это то, что без них еще хуже. С этим я полностью согласен. Поэтому надо обязательно увеличивать государственные инвестиции. Принято решение направлять на эти цели 60% фонда, а Министерство экономического развития просит увеличить хотя бы до 80%, потому что есть много проектов. Но что такое много? Три–четыре проекта отбирается на страну. Если бы вы сказали 3—4 тысячи проектов, это было бы хоть какое-то движение.

В. Соловьев:

Это опять ручная настройка, когда в гигантской стране надо ходить и говорить: «Чувствую, ты — предприниматель, на тебе денег». У нас любой дурак с деньгами немножко на этом заработает, но это не создание бизнес-среды.

Е. Бушмин:

Теперь перейдем к снижению налогового бремени. Я выступаю «за», но есть один нюанс: снижать нужно то, что понятно функционирует. К примеру, во всем мире транспортный налог собирается не так и не с того. У нас он основан на лошадиных силах, а это неправильно! И даже если мы его снизим, его все равно собирают не так и не туда.

В. Соловьев:

Я понял. Вшей мы выведем, а с онкологией что будем делать? Пока наша экономика гораздо больше напоминает онкологического больного, а мы выясняем, каким карандашом подмазывать глаза. Наши уважаемые министры констатируют, что у нас будет плохо, потом хуже, затем — не волнуйтесь — ужасно, и мы выпадем из двадцатки.

Е. Бушмин:

В ответ на онкологию: надо менять налоги, но это невозможно, поэтому в этой сфере мы не можем принимать радикальные решения. Давайте договоримся о двух вещах. Первое: мы оказались в нестандартной ситуации.

В. Соловьев:

Абсолютно верно.

А. Макаров:

И надо сказать, что мы на спаде инвестиционного цикла — это знают все экономисты. Что нужно делать? Надо вбрасывать деньги из бюджета, надо стимулировать экономику. С другой стороны, санкции, ограничение наших финансовых возможностей и целый ряд других рисков. С этой точки зрения, требуется, наоборот, бюджетная консолидация, и это тоже знают все экономисты, но это движение в противоположных направлениях.

В этой ситуации мы начинаем метаться из стороны в сторону, и самое страшное, когда мы начинаем что-то, недоделываем, а потом бросаем и начинаем другое. Так мы убиваем главное, что нужно для того, чтобы

изменить ситуацию в экономике, — доверие бизнеса и граждан к экономической политике правительства страны. И речь как раз идет о том, что сказал Министр экономического развития, и это очень важно. Поймите, если мы приняли бюджетное правило, которое ограничило возможности, то это все равно правило, закон. Оно может нравиться или не нравиться, но нельзя сказать, что сегодня оно действует, потому что мы им довольны, а завтра оно уже не работает.

Второй, не менее существенный вопрос — инвестиции. Алексей Леонидович придумал гениальный рецепт, когда он был не Министром финансов, а Вице-премьером, отвечающим за экономику. Он сказал: «Деньги разворовывают, неэффективно тратят». И он нашел отличный способ борьбы против воровства и неэффективности трат: просто не давать деньги. Проблема состоит в том, эффективность и сокращение расходов — это не одно и то же. Эффективность должна предшествовать сокращению расходов, а сокращение расходов должно происходить за счет эффективности. Никаких других вариантов не существует.

В. Соловьев:

Господин министр, если можно, ответьте Андрею Михайловичу. Мне всегда казалось оскорбительным, когда мы все время говорим, что будет плохо, но не формулируем, что надо сделать, чтобы было хорошо, не ставим такие задачи перед страной и не рисуем народу четкие и понятные направления движения. Может быть, надо доверить управление народу? Сказать, что надо сделать, чтобы стать развитой экономикой не за 50 лет? Что требуется от нас, а не от Запада?

А. Улюкаев:

Во-первых, мне всегда очень нравилась работа адвоката, и я хотел бы стать адвокатом Алексея Леонидовича.

Е. Бушмин:

А я никогда не хотел стать министром.

А. Улюкаев:

Ответственность разная, но и подходы тоже. В 2009 году, когда мы столкнулись с прошлым вызовом, мы увеличили расходы на дорожное строительство на 370 миллиардов рублей. Это была инициатива Алексея Леонидовича Кудрина. К сожалению, в этом году мы ответили на сходную проблему иначе: мы сократили расходы в этой же сфере. Так что, друзья мои, надо быть справедливыми и объективными.

Во-вторых, мне кажется, что все-таки есть способ соединить коня и трепетную лань: и провести бюджетную консолидацию, и обеспечить финансирование инвестиционных расходов бюджета. Просто нужно идти не от цифры. Что мы делаем? У нас было 100 рублей, ситуация изменилась, и мы говорим: «Теперь у нас 90 рублей». А из этих 90 рублей, естественно, мы защищаем текущие расходы, потому что есть публичные правовые обязательства. В конце концов, каждому министру это просто интереснее, а капитальные расходы, как падчерица в семье, их первыми режут и последними восстанавливают. Нужно вспомнить, что у нас есть программно-целевое планирование, государственные программы, которые существуют на бумаге, но их можно воплощать в жизнь, то есть мы можем идти от целей, а потом уже получать цифру. Конечно же, диктует не цифра, а цель. Поэтому дальше нужно подойти с равной планкой к оценке роли всех расходов. Почему мы позволяем себе при необходимости сокращать текущие расходы на 4%, а инвестиционные на 17%? Они должны быть так же защищены, потому что они формируют базу будущих периодов. Если мы зарежем курицу, которая несет пусть и не золотое, но хотя бы серенькое простое яичко, сейчас, то завтра нам нечем будет исполнять социальные обязательства.

В. Соловьев:

А кто вам мешает? Кто Ваш оппонент в правительстве?

А. Макаров:

А когда вы дискутируете с министром финансов, вы ему говорите об этом?

А. Улюкаев:

В писании сказано: «Я не сторож брату своему».

В. Соловьев:

Понятно. Хочу напомнить, что после этого один брат убил другого, поэтому эта фраза прозвучала. Так что я начинаю волноваться за Министра финансов — его среди нас нет. Куда он делся?

А. Жуков:

Я надеюсь, что до этого не дойдет, но, тем не менее, главное — это доверие. Если вы хотите, чтобы были хоть какие-нибудь инвестиции, чтобы бизнес должен доверять. Но чему он должен доверять? В отчете Центрального банка черным по белому написано, что государственные инвестиции неэффективны, причем это сказано обо всех инвестициях. Об этом же вчера говорил Министр финансов. Как это согласуется со словами Министра экономики? Кому бизнес должен верить — Министру экономики или Министру финансов?

Государственные программы. У нас, действительно, бюджет состоит из государственных программ. В каждой из них сказано, какие показатели должны быть достигнуты по итогам реализации. Например, тратим деньги на здравоохранение — должна снизиться смертность, повыситься рождаемость, уменьшиться количество людей, которые умирают от онкологии, и так далее. Там все это четко расписано. То же самое с транспортом, с обороной и с другими сферами. Все очень просто: проанализируйте эти программы. Срезайте расходы только в тех, которые неэффективны, и не трогайте эффективные. Правительство делает ровно наоборот — предлагают просто ровным слоем убрать 10%.

В. Соловьев:

Вы предлагаете СМЕРШ? Зашел в правительство с наганом, задал два вопроса?

А. Жуков:

Нет.

В. Соловьев:

Вы сейчас сказали, что в Правительстве сидят либо дилетанты, либо враги народа.

А. Жуков:

Я так не говорил. В Правительстве сидят квалифицированные люди, просто странно, что они публично выступают с противоположными точками зрения.

В. Соловьев:

Вызвать психоаналитика? Потому что человек говорит одно, а делает другое? Это либо проблема душевного здоровья, либо какое-то давление, о котором мы не знаем.

А. Жуков:

Можно говорить и обсуждать любые вещи, но когда вы выходите в публичное пространство и рассказываете бизнесу, что вы будете делать, то это должно быть мнение Правительства, а не отдельного министра.

В. Соловьев:

Безусловно, это консолидированная точка зрения, которая не меняется.

А. Жуков:

Теперь обратимся к налогам. Все за то, чтобы снизить налоги. Записали это в одной программе, в другой, в третьей, затем посчитали неналоговые платежи, такие же обязательные, как налоги, и прослезились: оказывается, у нас налоговое бремя увеличилось. Кто после этого будет верить тому, что написано в программе? Там сказано, что налоги не будут повышаться четыре года. Не будут, а обязательные платежи повысили.

А. Улюкаев:

Я бы хотел обратиться к тому, что вы сказали пару реплик назад: что все-таки делать? Был такой анекдот: «А работать не пробовали?» Инвестиционный климат — это хорошая вещь, при нем зреют разные полезные плоды. Но надо ведь и приложить какое-то старание. Сегодня Президент выступал на пленарном заседании, после которого журналисты сказали мне: «Нам показалось, что он говорил какие-то приземленные, неинтересные, хозяйственные вещи, а прежде были духоподъемные».

В. Соловьев:

Скрепсы скрепами, а еда едой.

А. Улюкаев:

Попробуйте поработать. Это касательно того, что мы должны сделать первое, второе, третье и четвертое.

В. Соловьев:

Согласен. А кто должен работать?

А. Улюкаев:

Мы с вами.

В. Соловьев:

Я и так работаю. Включите телевизор — я там есть. Я просто хочу понять, когда Правительство подтянется?

Р. Гринберг:

Володя, я хотел бы сказать одну важную вещь. Коммунисты нам тоже все время говорили: «Какие хозяйственные механизмы там? Работать надо». И чем все кончилось? Я думаю, что то, что Алексей Валентинович сказал о целеполагании, это самая страшная проблема страны. А поскольку ее нет, то гипертрофированная роль Министерства финансов обеспечена. Она

обеспечивается стихийно, независимо от того, поддерживает ли это Президент или нет, но если у вас установка на силу саморегулирования, и вы говорите, что нужен хороший инвестиционный климат, и демонизируете любую государственную активность, особенно в деньгах, тогда вы автоматически получаете такую ситуацию. У меня есть очень простой способ выхода из ситуации. Мне кажется, у нас очень много целевых программ, и все равно, даже в кризис, работает принцип «всем сестрам по серьгам». Но что мы видим сегодня? Если мы хотим изменить структуру экономики, то нам надо сосредоточиться на 8—10 направлениях, которые мы должны поддерживать. А критерий простой: то, что еще можно довести до уровня мировых стандартов, надо систематически финансировать. То, что нельзя, тоже надо поддерживать, если там люди работают, и им некуда идти. Я считаю, что у нас нет промышленной политики — она вся построена на лоббизме, именно поэтому всем достается немножко денег для освоения. Но этого мало, поскольку мы находимся в тяжелой ситуации. С одной стороны — Китай, который может производить все потребительские товары, с другой стороны — ЕС, который может производить все инвестиционное.

В. Соловьев:

Зато мы можем все испортить.

Р. Гринберг:

Мы потеряли много времени. Может быть, пойти по пути, где мы мало конкурируем, и там заниматься мегапроектами? Хотя множество моих коллег ругает их: «Опять этот твой Сочи!» А что? Мы заготовили триллион долларов в тучные годы. И что мы видим? Мы видим Сочи, остров Русский — ничего плохого в этом нет, но это мало. Мы могли бы сделать больше.

В. Соловьев:

Если я правильно понимаю то, что Вы говорите, то должен быть приоритет у Министерства экономического развития в принятии решений для Министерства финансов.

Р. Гринберг:

Мне трудно сказать.

В. Соловьев:

Иначе никогда не будет развития.

Андрей Михайлович, сегодня на завтрак у «Сбербанка» вы высказали правильную мысль, которую, как мне показалось, не подхватили в дискуссии, а напрасно. Вы говорили о том, что у государства и так есть компании, и если бы эффективность использования средств внутри крупнейших из них была доведена до уровня мировых стандартов, мы бы не заметили кризиса.

А. Макаров:

Вы абсолютно правы, спасибо, что хотя бы Вы обратили на это внимание. Но есть три момента, которые мне хотелось бы отметить. Мы много говорим об эффективности бюджетных расходов. Что это такое? Когда мы говорим: «Надо поддерживать экономические проекты из бюджета», что происходит на самом деле? Сначала мы даем деньги государственным корпорациям на то, чтобы они произвели какую-то продукцию. Потом, когда эту продукцию никто не покупает, мы даем кому-то средства для того, чтобы эту продукцию кто-то купил, государство оплатило ее дважды. Бюджетные расходы? Бюджет дал деньги? Дал, все замечательно. Что, от этого повысилась эффективность экономики? Чушь! Поэтому первый рецепт, который здесь должен быть, это конкуренция, только реальная, а по модели «кто добежит до министра, премьера или еще кого-то, кто распределяет бюджетные средства». Это конкуренция в бизнесе.

В. Соловьев:

Согласен. Но в России как раз та конкуренция, о которой вы сказали, является реальной. Первым добежал до провода — победил.

А. Макаров:

Я просто называю проблему. Вы справедливо заметили, что почему-то никто не захотел обсуждать эту тему — ни из правительства, ни из бизнеса, ни из экспертов, потому что существующая система всех устраивает.

Второй, не менее важный вопрос — место России в мире. Ее экономический суверенитет зависит от того, насколько мы сможем встроиться в систему глобальной экономики. Нам это может нравиться или не нравиться, но экономика глобальна, и поэтому эффективными, в первую очередь, являются инвестиции в человеческий капитал. Вкладывание средств в здравоохранение, в образование, в науку — это инвестиции в будущее страны, и они всегда эффективны. Я абсолютно согласен с Алексеем Валентиновичем, что нельзя секвестировать бюджет по принципу «давайте все сократим на 10%». Президент ясно сказал, что мы должны уменьшать расходы за счет неэффективных расходов и сокращения издержек. Вместо этого мы пытаемся все урезать. Что это означает? Что мы расписываемся в невозможности отделить эффективные расходы от неэффективных.

В. Соловьев:

А как мы их будем отделять? Девяносто процентов нашей экономики монополизировано, никакой конкуренции нет. Как это сделать?

А. Макаров:

Позвольте мне договорить.

Мы как раз с этого и начали. Ведь систему надо настраивать много лет, ведь решение правительства — это спор между несколькими министерствами. Далеко не всегда Министерство экономического развития побеждало Министерство финансов и наоборот. И это становилось окончательной позицией. Никто не придумал ничего лучше, чем разделение властей: решение правительства на любом уровне должно быть проконтролировано теми, кого избрал народ, чтобы определить эффективность тех или иных расходов. Я считаю, что за эти три с половиной года нам удалось, по крайней мере, в бюджетной и в налоговой сферах, создать систему со внешним

контролером. Без него и разделения властей, и решение этой проблемы невозможно. И в этом, я думаю, мы все едины.

Р. Гринберг:

Несмотря на страстную речь Андрея Михайловича, я бы все-таки сказал, что нет конфликта между деньгами, которые идут в производство, и деньгами, которые идут в образование, здравоохранение, науку и культуру, которые крайне недофинансированы в нашей стране.

А. Макаров:

Сегодня 86% расходов на высшие учебные заведения — это расходы на зарплату. Ни в одной стране мира такого нет. В этой ситуации высшее образование выживать просто не может — оно будет деградировать. И говорить о том, что мы экономим расходы на этом, невозможно.

В. Соловьев:

Если 90% наших университетов будут деградировать, мы не заметим падения качества получаемых дипломов, потому что приличных институтов осталось у нас давно мало.

А. Макаров:

Давайте выделим деньги на похоронное дело и закончим дискуссию.

В. Соловьев:

А это было бы красиво: сначала мы проводим реформу, которая раздувает совершенно ненужное высшее образование, а потом пытаемся кормить эту сферу, не получая на выходе ни профессионалов в нужном количестве, ни нужных специальностей, потому что государство отстранилось от всего: забыло про школы и про заказ специалистов, не спрашивает бизнес, выдает на-гора ненужные дипломы людям, которые не могут говорить по-русски.

А. Макаров:

Это из-за того, что мы должны выделять средства только эффективно.

Р. Гринберг:

Володя, я рискую сказать что-то неверно.

В. Соловьев:

Не волнуйтесь — Вас посадят.

Р. Гринберг:

Я понял, что Вы всегда это говорите.

А. Макаров:

Через четыре года вы выйдете на свободу с абсолютно чистой совестью.

Р. Гринберг:

Если в начале 90-х годов был брошен клич «спасайся, кто может», то человек приходил в министерство, рассказывал, что он хороший профессор, может обучить и, получив лицензию, начинал преподавать старым книжкам, и делал это легально. А потом то же государство ему, что он плохо учит, и теперь не знает, как это дело закрыть. Безусловно, есть инерция маршрута, как в говорится институциональной теории, и с этим очень трудно бороться. Поэтому я понимаю государство, хотя вы говорите о разделении властей, которое существует только формально, а практически исполнительная власть все-таки командует. Если бы она, действительно, пыталась осмыслить, что мы можем сделать для обеспечения несырьевого будущего.

В. Соловьев:

Мы не можем обеспечить несырьевое будущее.

Р. Гринберг:

Можем.

В. Соловьев:

Как?

Р. Гринберг:

Алексей Валентинович все ясно сказал.

В. Соловьев:

Мы будем продавать замечательные стихотворения Алексея Валентиновича — он большой и талантливый поэт, но это не поможет нам в несырьевом секторе.

Р. Гринберг:

Реальная история поражения великой российской трансформации — я без иронии говорю — это потеря пассажирских самолетов. Это самое ужасное и как метафора, и как результат примитивизации экономики. Это все еще можно наладить.

В. Соловьев:

Давайте посмотрим по-другому. Наша проблема в том, что у нас остался советский «хардкор», а «софт» мы все время пытаемся придумать либеральный. И это постоянное несоответствие образа мышления малой группы людей, которые пытаются увидеть страну, которой нет, и гигантской страны, которая никак не может понять, почему ей предлагают двигаться тем путем, для которого ее ноги не предназначены, приводит к тому, что у нас голова живет одной жизнью, а тело — другой, и встречаются они только во сне.

Е. Тарло:

Более того, они считают, что нужно делать это тайно, путем создания узких групп, а, когда я предлагаю, хотя бы поговорить, они все расходятся. Алексею Леонидовичу Кудрину за две или три недели предлагалось прийти на дискуссию, высказать все, что он хочет, и убедить нас. Это предлагалось всем

нашим главным либералам. Они уходят от открытого обсуждения. На открытии Форума у них междусобойчик: хвалят друг друга, говорят, что нужно делать реформу управления, потому что у нас плохой менеджмент. Кто этот плохой менеджмент? Три вице-преьера сидят, которые писали эти законы, продавливали через Думу под угрозой того, что паралич экономики наступит. Мы как Совет Федерации читаем, замечаем несоответствия и предлагаем хотя бы обсудить. Но нет: не нужно выдумывать тайных комитетов, надо просто улучшать работу существующих конституционных органов. Пусть наше Правительство придет в Думу и не сломает через коленку, не добьется через звонки или через руководство, а в дискуссии с комитетами убедит. Пусть Дума придет в Совет Федерации не со всеми законами подряд, а с необходимыми, докажет нам, что правильно их приняли.

А налоги не нужно уменьшать — у нас казна пуста, ими нужно маневрировать. Нужно увеличивать налоги на потребление, а на бизнес — уменьшать, иначе ничего не получится.

В. Соловьев:

Давайте каждый скажет по одной фразе, а то через восемь минут мне надо отпустить господина министра.

Е. Тарло:

В условиях дискуссия между министерствами неизбежна. Я поддерживаю Алексея Валентиновича, но его возможности очень ограничены.

А. Макаров:

Мне надоели попытки сказать, что кто-то во всем виноват: сначала Чубайс, теперь Кудрин и либералы. Я — либерал, и не скрываю этого. Алексей Валентинович, я думаю, тоже не пытается сказать, что он не либерал, поэтому хватит говорить, что либералы пытаются уйти от дискуссии. Просто для вас самый главный вопрос — кто к кому придет, а для нас самый главный вопрос — что надо сделать в экономике.

В. Соловьев:

Поднимите руки, кто из присутствующих в зале либерал.

Е. Тарло:

Я — либерал!

В. Соловьев:

Поэтому я и говорю о вечном разрыве между «софтом» и «хардом». Вы заметили? Здесь случайно оказались три либерала и публика, взирающая на них с ужасом.

А. Макаров:

Они провожают нас в последний путь.

В. Соловьев:

У нас осталось семь минут, и мне хочется перейти к содержанию.

А. Жуков:

Я вспомнил строчки из поэмы Маяковского «Хорошо!»: «Я даже социалист, но не граблю, не жгу».

Е. Бушмин:

Я хочу вернуться к мысли о том, что, может быть, не все было правильно. Когда мы принимали, например, налоговые правила, КГН, а потом сказали, что не все в нем хорошо». И уже три года мы пытаемся понять, хорошо это или плохо. Если мы будем принимать решения такими темпами, то получим в итоге опять большой развал и не сможем говорить о каких-то темпах развития.

В. Соловьев:

Я понял следующее: надо разогнать Совет Федерации и Думу, ввести чрезвычайное управление экономикой и провести все реформы. Так?

Е. Бушмин:

Да хотя бы это! Даже этого не делается, понимаете!

В. Соловьев:

Не надо разгонять? Эх, столько бы денег сэкономили!

А. Жуков:

Сегодня Президент говорил об этом. Во-первых, надо прекратить бесконечные проверки бизнеса. Мы давно об этом говорим, все решения уже приняты, надо просто исполнить.

В. Соловьев:

Как вы это сделаете?

А. Жуков:

Налоговые каникулы.

В. Соловьев:

Примите любой закон, но милиционер на эту зарплату жить не будет. Россия есть Россия. Вы приведете к социальному взрыву.

А. Улюкаев:

Если не исполнять никакие законы, то ничего не сделаешь.

В. Соловьев:

Правильно. Сейчас будем пересматривать всю систему оплаты в стране.

А. Жуков:

Есть простая мера. Сейчас будет принят закон об ускоренном возврате НДС для экспорта, это надо сделать как можно быстрее. Мы обсуждаем эту проблему уже 10 лет. Правительство что-то сомневается, но я думаю, мы это

реализуем. И таких конкретных мер достаточно много — надо идти step by step.

В. Соловьев:

Самый конкретный человек в Правительстве — это Мишусин, который придумал и внедрил великолепную систему. Никто не спорит, что администрирование налогов у нас лучшее в мире, потому что профессионал занимается своим делом четко, ясно и быстро.

А. Улюкаев:

Каждый профессионал должен заниматься своим делом, а разговаривать лозунгами — это абсолютно бессмысленная вещь.

В. Соловьев:

Бессмысленная, поэтому хочется перейти от макро- к микроэкономике.

Б. Титов:

Можем ли мы развиваться? Конечно, можем. Посмотрите, в 1999—2000 годах бизнесу стало чуть лучше: мы показали высокий темп роста при низких ценах на нефть. Что нужно для этого? Низкие издержки. Знаете, с чего началась вчерашняя встреча с Президентом? Один из промышленников попросил: «Помогите доллару, укрепите его и сделайте его чуть повыше, чтобы он удержался, потому что низкий рубль нам очень выгоден». Налоги должны стимулировать рост и должны быть меньше для тех, кто вкладывает в будущее. У нас энергетические тарифы по-прежнему растут, несмотря на заморозку, потому что все время находятся какие-то лазейки. Сделайте так, чтобы было выгоднее продавать нефть на переработку внутри. Сейчас налоговый маневр стимулирует экспорт этих продуктов. Конечно, инвестиционная льгота, налоговые зачеты, НИОКР сделали. Как это работает? Вчера обсуждали этот вопрос: сделали хорошее дело, затраты на НИОКР можно вычитать из налога на прибыль, но никто этим не пользуется,

потому что такое правоприменение сложилось, что легче ничего этого не делать, чем потом получить кучу проверяющих.

В. Соловьев:

Потому что в управлении Россией не хватает только одного — здравого смысла.

Б. Титов:

Желания расти.

Мы говорим про стратегию, но ее нет сегодня. Извините, Алексей Валентинович, у нас есть много сценариев, но нет стратегии. Если мы нацелены на бюджетную стабильность, которая дает социальную, а не на рост производительности труда, то мы не можем двигаться одновременно в противоположных направлениях. Поэтому надо. создать стратегию, которая ориентировалась бы на рост и включала бы в себя правильную и социальную, и промышленную политику. Алексей Валентинович, Вам дано такое поручение, есть закон о стратегическом планировании.

В. Соловьев:

Не пугайте нас Президентом, мы и так боимся.

Б. Титов:

Вчера он дал такое поручение. И делать стратегию правильно, как мы создаем бизнес-стратегию, а не просто набирать предложения.

В. Соловьев:

Герман Греф постоянно говорит, что одна территория отличается от другой качеством управления. Нефть может быть у кого угодно, но можно все потерять, а может быть голая пустыня, но при качественном управлении все будет хорошо. И ключевым фактором является здравый смысл. Меня удивляет, что в нашем Правительстве много умных людей, а качество управления страдает, потому что, как верно было отмечено, присутствует

ложное целеполагание. Исходя из этого, необходимо вернуться к базовым вещам: цель, концентрация средств, четко поставленные сроки, реализация и контроль, господин министр.

А. Улюкаев:

Я несколько удивлен характером дискуссии. Видимо я редко смотрю телевизор: децибелы большие, и этим заменяются аргументы. Дело не в поручении президента, а в том, что есть закон и есть обязанность Министерства экономического развития подготовить отраслевые стратегии, схемы размещения и так далее. Мы над этим работаем в меру своих скромных сил и ограниченных возможностей. Мы слишком говорим о слишком общих вещах, а должны — о конкретных, как мы начали с Государственной Думы.

Из нашей ситуации есть два выхода — реалистический и фантастический. Реалистический: прилетят марсиане и сделают все за нас, а фантастический: мы сами возьмемся. Тем не менее, у нас нет никакого другого выхода: мы обречены на то, чтобы следовать Конституции, чтобы Государственная Дума принимала качественные законы, а Правительство их исполняло, чтобы бизнес мог нормально развиваться при меньшем регулятивном бремени.

На самом деле, в этом нет ничего сложного. Друзья мои, мы к этому обязательно придем, только, как говорится, жаль, что в эту пору прекрасную. А хотелось бы самому дожить до этой прекрасной поры. Давайте продолжать то, что мы начали.

В. Соловьев:

А кто вам мешает?

А. Улюкаев:

Нам никто не мешает.

В. Соловьев:

Нет, Вам лично кто мешает?

А. Улюкаев:

Мне никто не мешает.

В. Соловьев:

Так реализуйте!

А. Улюкаев:

Мы пытаемся, в меру наших скромных возможностей вместе с Государственной Думой работать и реализовывать.

В. Соловьев:

Я благодарен всем участникам дискуссии. Но каждый раз, когда я беседую с властью, у меня возникает ощущение как в известном анекдоте, когда стоит пожилой еврей у Стены Плача и молится. Проходит делегация — он молится. Делегация возвращается через 12 часов — он все еще молится:

– Что вы делаете?

– Я молюсь.

– О чем?

– Я хочу, чтобы жены любили мужей, мужья любили жен, дети уважали старших, старшие почитали детей.

– И как?

– Вы знаете, ощущение, что разговариваю со стеной.

Потому что каждый раз мы говорим друг другу, что надо начинать работать, и это напоминает речь Фиделя Кастро: «Trabajo — sí. Siesta — no», — и после этого четыре часа танцев. Поэтому давайте все-таки те, кто еще имеет полномочия, будут реализовывать в полном объеме. Я понимаю, что вы редко смотрите телевидение, а народ смотрит часто. Поэтому, чтобы народ не любил, а уважал власть, имеет смысл иногда приходиться, беседовать, чтобы люди видели и уважали тех, кому доверено управление страной.

Большое спасибо всем участникам дискуссии. Отдельное спасибо Вам, Алексей Валентинович, Вы единственный из министров, несмотря на данное обещание, пришли и блестяще выдержали это испытание децибелами.

А. Улюкаев:

Виноват. Имею такой недостаток — исполнять то, что обещаю.

В. Соловьев:

Большое спасибо. Всего хорошего, дорогие друзья.